

Очередь 263-я

До хлебного магазина ходьбы с полчаса. Очередь мы занимали с вечера. С нашего квартала ходили я, Вася Вдовенко, жидкий, сутуловатый парнишка, мастер игры в зоску, Жорка Климов — лучший шахматист и Колька Рондик, рыжий, заядлый спорщик. Жили Рондики немного лучше. Им из деревни часто привозили муку, картошку, мясо.

Как только мы встретились у магазина и дождались, когда всем на ладони поставят номера очереди, так стали соображать, чем заняться.

Из потайных карманов достали затертые монеты, скопленные с большим трудом, и пошли играть в «стенку». Ударил битой — и, если дотянешься пальцами от нее до другой, берешь «даушник». Бил Жорка. Колька Рондик тут же вступил в спор: не дотягивал Жорка — и все. Колька упал на живот, приложился к земле и стал так яростно дуть на битую, прижатую пальцем Климова, что глаза его стали от натуги красными и злыми. Бита не шевелилась. Она прочно лежала под пальцем Жорки. И когда я и ребята с соседней улицы подтвердили право за Климовым, Колька вскочил и стал кричать:

— На его руку, да? На его руку, да?..

Рондик выбыл из игры. С темнотой бросили играть и мы.

Взялись бить «петуха». Прыгаешь на одной ножке и бьешь друг друга плечом. Кто не устоит, тот горит. Ему отшвыривалась определенная доза щелчков по лбу.

К полночи пошел мелкий безгрозовый дождь. Потянуло холодом. Мы сблизись в кучку у стены крохотной избушки-сторожки и грели один другого, то есть меняли места в центре через определенное время. Рассказывал Жорка Климов:

— Фашисты пришли в деревню, а она пустая... Ну и давай пить спирт. А тут как дадут с одной крыши... Пошла такая стрельба! Двух фашистов убило. Фашисты забегали кто-куда. Потом очухались... И давай шнырять по крышам. Изшли одного, другого, третьего... шесть ребятшек. Одного с вилтовкой, а других с трешетками. Вот.

— Ну а чего с ними?

— Всех порастреляли и в колодезь сбросили. Папа мой писал... захватил он ту деревню...

— А вот с самолета... Гастелло... — начал Ванька, чумазый парнишка, маленький, зябкий. Хотя все знали о знаменитом летчике, но слушали внимательно.

У всех отшвыривались на фронте — воевали. У других по много времени не писали, но это оправдывалось боевыми операциями в тылу фашистов. Никто не думал о смерти.

Рассказы прерывались, когда центральное место освобождал один и занимал его другой. Где-то над нами глухо стояла разговорам очередь.

Утром, на рассвете, показались хлебные повозки. От них тянуло теплым аппетитным запахом. Защелкнулась, зароптала очередь. Я кинулся к своему месту. Толстенная, крикливая тетя проверяла очередь. На моей ладони она не обнаружила цифры. Но я хорошо помнил ее: 263. Осталось жидкое пятно от химического карандаша.

Тетка не стала слушать мои мольбы, а просто оттолкнула меня и пошла дальше. Я не мог сдержать слезы. Обида душила. Хотелось кинуться на эту жирную женщину и кричать, кричать...

Без хлеба нельзя домой возвращаться. Там ждут сестренка и больший братишка. Мать, конечно, утром мне не захватить. А в полдень она придет усталая и голодная. Рыть котлованы для фундаментов, я знал, не легкая работа. Прийти без хлеба? Мне становилось страшно. Меня понимали ребята. Утешенье тут не поможет. Потому молчали.

Я плакал навзрыд. Очередь молчала. Она привыкла к слезам и крикам. Отчаявшись, я сел к углу магазина и молча всхлипывал.

Кто-то взял меня за ворот рубашки и грубо поднял. Я взглянул и увидел сердитое мужское лицо. Серые глаза не мигали.

— Ну, ладно, не хнычь. — сказал он мягко и подтолкнул меня к очереди, совсем недалеко от окошечка, где брали драгоценный хлеб.

Я не успел ничего сообразить, а мужчина уходил ровным шагом в самый конец очереди, за избушку-сторожку...

// Ленинское знамя,
1965,
23 февраля, с. 4.